

Отражения в неизвестном

АНДРЕЙ СИДОРЕНКО

Человек оказывается частью нового сообщества часто совершенно случайно. Рабочая, военная, учебная, спортивная или идеологическая группа — ее участниками могут стать люди совершенно разных национальностей, темпераментов и привычек, но, оказавшись в одном коллективе, их поведение резко меняется. Раньше у каждого могла быть своя индивидуальная жизнь, но теперь отношение к любому из них определяет не прошлое, а настоящее, — то, насколько быстро он готов включиться в совместный тренинг, выживание или борьбу за победу.

Каким бы радикальным ни было расставание со знакомым окружением, единственное, что сейчас может отвернуть от испытывания индивидуальных травм и потерь — это вызов себе, мотивация стать сильнее и выносливее, чем ты был.

Лишь приняв участие в своей судьбе, встреча с новым и неизвестным прекращает быть бессмысленной растратой, а становится необходимым полигоном для проверки себя, аутентификации собственных способностей.

Даже оказавшись неузнаваемым как личность, маркированным телом в кальсонах, его утрата прошлого превращается в символичное освобождение от прежних пределов, поскольку он обретает компенсацию и смысл своего раз-

вития в преодолении деперсонализованности.

Одержимый мотивацией проявить себя в неизвестном — теперь не окружающий мир проникает в его восприятие, изменяя в нем все до неузнаваемости, а его мотивация проникнуть в окружающий мир делает его узнаваемым. Посмотрев в этот момент ему в глаза, понимаешь, что он словно никого не видит и не слышит. Но не только он — у каждого, кто вместе с ним находится перед непредсказуемой волей случая, начинает стираться индивидуалистичное восприятие мира.

Вместо него они активно переживают драматическое рождение нового смысла своего существования — коллективного предназначения, которое теперь превращается в их общую идентичность. Погружаясь в его осознание ни у кого не остается времени для созерцания раздражения или страха, ими руководит скорее азарт, стремление не потерять шанс собственным участием изменить судьбу коллектива к лучшему.

В этом состоянии, понять которое можно только пережив, усилие каждого из них становится будто новым оборотом колеса или жернова времени, приближающим к еще непознаваемой абстрактной мечте.

Парадоксально, что этот безличный деперсонализированный коллектив, с которым он

преодолеваєть неізнестность, непонятно как, но оказывається для него вдруг неожиданно родным, неісправимо унікальним и непознаваемо неслучайным, как и он сам.

Даже то, что было индивидуальным травматическим опытом, перестаєть восприниматься бессмысленным, а обретаєть значение инициации с сообществом, для которого присутствие каждого проявляет теперь экзистенциальный смысл.

И хоть он не может созерцать мир, как раньше, но зато он один из тех, кто готов его спасти — причем, автоматически не придавая собственным действиям особого значения.

Эта готовность — своего рода стремление заглянуть за собственный предел, узнать, что там, за границей возможного для меня и для остальных, где продолжение, которого все ждуть.

Решительность как неостановимая жажда подтверждения своего эмоционального единства с теми, кто несмотря ни на что готов продолжать.

И даже преодолев границы ведомого в себе, он не останавливается, он продолжает лететь, левитировать, не замечая ничего вокруг себя.

Он становится не только примером невозможного, неизвестного ранее для себя, но и своего рода медиумом для других, собирательным образом, в солидарности с которым познается откровение каждого о самом себе.

Погружаясь в неизвестное, он сам становится теперь все более неведомым для остальных, неразгаданным никем примером коллективной жизни, разгадать который значит пережить то же, что и он, — увидеть собственное отражение в неизвестном.